В. ПОРУДОМИНСКИЙ

Детям о искусстве

СОЛНЕЧНАЯ ВЫСОТА

Издательство «МАЛЫШ» Москва 1987

SHOUT
SHARE
IT

- В. Порудоминский
  -
  - Тишина
  - Безымянные высоты
  - Май
  - Хлеб
  - Лето
  - Жизнь
  - Юность
  - Остановимся и подумаем

В. Порудоминский
Солнечная высота

Татьяна Ниловна Яблонская пишет картины. Всю жизнь она посвятила любимому искусству. Картины у Татьяны Ниловны не похожи одна на другую; бывает, поставишь рядом — и удивишься: неужели их писал один художник?

В этой книжке только семь картин Яблонской. Они написаны в разные годы и расставлены здесь не в том порядке, как писала их художница. А всего картин у неё очень много — двести или даже больше.

Художник-живописец рассказывает о мире, в котором мы живём, красками на холсте. Но художник не просто повторяет красками то, что видит. Глядя на картину, мы понимаем, как относится художник ко всему, о чём рассказывает. Картина открывает нам мысли художника, его чувства.

На холстах Яблонской — обыкновенная жизнь: земля, небо, поля и реки, люди работают и отдыхают, радуются, печалятся, размышляют. И когда об этом рассказывает Татьяна Ниловна, мы понимаем, что самое обыкновенное и есть самое важное и дорогое. Её картины помогают нам думать о жизни, отличать хорошее от дурного, а значит — помогают нам жить лучше.

Тишина

Тишина. 1975

Выйдешь в степь, взберёшься на высотку — видно далеко.

Степь здесь не плоская — горбится холмами; продолговатые холмы — увалы бегут вдаль, как волны.

У горизонта, где земля сходится с небом, возвышенности её темнеют в синем тумане.

Оттого, что вот так, один за другим, будто нет им конца, поднимаются гребни холмов, понимаешь, что земля очень большая.

И посреди этой огромной земли ярко белеет холст, натянутый на четырёхугольную рамку.

Холст поставлен на плоский ящичек — этюдник, в нём хранятся кисти и краски.

Холст совсем чистый: скорей выдавливай из тюбиков на дощечку-палитру разноцветные краски, бери кисть — и пиши картину.

Вон на противоположном склоне маленькими зелёными кострами светятся деревья. Можно написать зелёные деревья и тёмные прозрачные пятна тени под ними.

Вон пологая бурая тропка вынырнула из лощины, спешит наверх, чтобы перевалить через горку и снова скрыться из глаз. Можно написать извилистую тропку, протоптанную в траве.

Вон птица летит. Можно написать и птицу.

А можно всё вместе: тропка взбегает по склону холма, к ней подступают светло-зелёные деревья, в синем небе над ними летит птица. Какая прекрасная картина!

Но холст по-прежнему стоит чистый. Ни линии, ни пятнышка. Он притягивает взгляд, и как-то на душе тревожно от его сверкающей белизны.

Он — как нетронутое ещё поле, которое нетерпеливо ждёт, когда же, наконец, коснётся его плуг пахаря, когда бросят в него семена. И мы ждём, волнуясь, что же, наконец, появится на холсте.

Но кисти и краски пока лежат в этюднике.

Художник не торопится.

Он будто нарочно отошёл подальше от холста. Он увидел и понял что-то такое, чего мы не знаем.

Так и должно быть. Художник умеет по-новому, по-своему увидеть и понять то, что у всех перед глазами. Увидеть — и рассказать другим. Тогда и нам эти гряды холмов покажутся совсем не такими, какими казались прежде.

Куда ни глянь — так просторно, так красиво!

Но художник не торопится к холсту: смотрит, думает, вспоминает — ищет своё. То, что ему всего дороже и нужнее в этой просторной, красивой степи.

Тихо.

Ветер не загудит над головой, не зашуршит в высокой траве. Бесшумно парит в воздухе птица. Всё словно замерло в ожидании.

Фрагмент картины

Чем дольше смотришь на застывшие волны холмов, на их пустые, безлюдные склоны, на тропку, по которой никто не идёт, на птицу, неподвижно повисшую над землёй, на одиноко стоящего в сторонке художника, тем сильнее чувствуешь, как будто слышишь эту пронзительную тишину.

Даже сердце щемит. Тишина тревожит, как чистый четырёхугольник холста.

В тишине, вместе с художником, смотришь зорче и лучше видишь.

Вдруг замечаешь, что на склоне холма круглеют не везде заросшие травой воронки от снарядов, и понимаешь, что длинные рвы, глубоко прорезавшие землю, были когда-то окопами.

Картина «Тишина» рассказывает, с чего начинается работа художника. Художник всматривается в раскинувшийся вокруг мир. Слушает волнение своего сердца.

Безымянные высоты

Безымянные высоты. 1969.

Художница Татьяна Ниловна Яблонская приехала в эти места отдохнуть и поработать.

Тихим осенним вечером она поднялась на вершину холма.

Заходящее солнце вызолотило высоты, заросшие пожелтевшей травой; в лощинах и оврагах, куда не доставал наклонный солнечный луч, уже собиралась ночная темнота,— они виделись сиреневыми и густо-лиловыми.

С пастбища возвращалось домой колхозное стадо. Коровы, пёстрые и рыжие, словно и они облиты вечерним осенним солнцем, неторопливо брели по тропинкам со склона на склон. На дальнем бугре трудился трактор.

Татьяна Ниловна всматривалась в плавные, текучие, как волны, складки земли. Она открыла альбом и стала набрасывать карандашом эти набегающие одна на другую линии холмов.

Но вот она перевела взгляд с дальних, сияющих золотом высот на небольшой кусочек земли, где устроилась с альбомом и карандашами.

Что это?

Совсем рядом, возле белого листа бумаги, на котором начат

рисунок, торчит из земли ржавый металлический осколок. Татьяна Ниловна положила его на ладонь. Осколок тяжёлый, зазубренный; ржавчина — как запёкшаяся кровь.

А вот ещё один такой же осколок. И третий. Вот почерневшие гильзы от винтовочных и автоматных патронов.

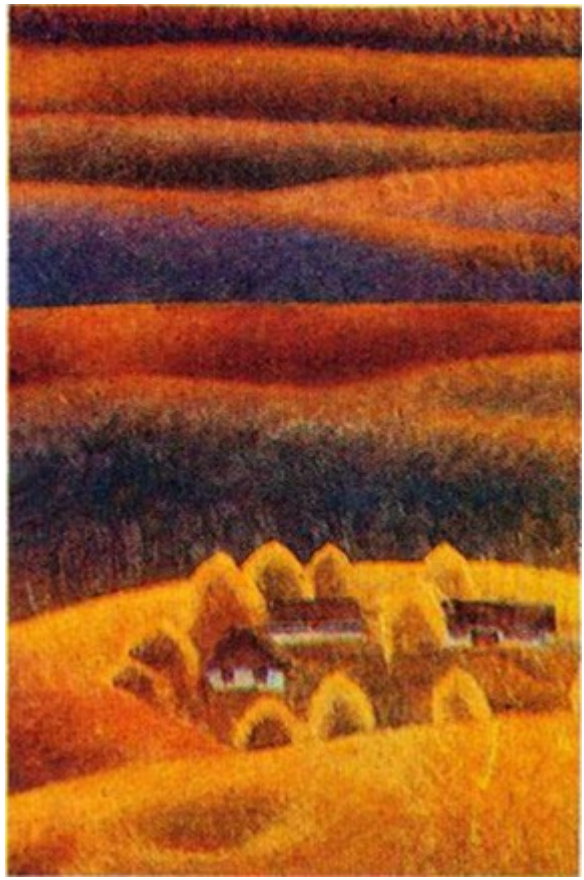
Много лет прошло с тех пор, как шли здесь жестокие бои, а сколько ещё уцелело беспощадного железа войны! Как изранена этим железом наша земля! Глубокими рубцами и шрамами смотрятся затянувшиеся травой окопы, рвы и воронки. Здесь четверть века назад наши войска под яростным огнём фашистов переправлялись через реку Днепр. На этих холмах, в этих оврагах тысячи советских солдат отдали жизнь за свободу своей Родины. Здесь советские люди сражались и погибали, чтобы отстоять красоту земли.

«Вот оно, главное! Об этом и надо писать картину»,— подумала Татьяна Ниловна.

Надо написать мирную, озарённую задумчивым вечерним светом землю, на которой каждый взгорок, каждая ложбинка помнят о минувшей войне. Надо, чтобы люди, глядя на картину, почувствовали и особенную красоту уходящих вдаль, точно солдатские ряды, высот, и нескончаемую боль утраты, и благодарность к героям, стоявшим насмерть на этих высотах. Надо, чтобы память о тех, кто не вернулся с войны, была светлой, ясной и проникновенно-тихой, как погожий сентябрьский вечер.

Сначала картина была не похожа на ту, которая сейчас пред нами. На холсте было много примечательных подробностей. Возвращалось в село колхозное стадо; по склонам холмов тянулись коровьи тропки. Совсем далеко, у горизонта, виднелась скирда сена, темнели чёрточки столбов электропередачи. Но скоро и коровы, и тропки, и столбы, и скирда исчезли с холста. Художница опасалась, что зрители начнут присматриваться к подробностям. Что уменьшится волнение, тревога от встречи с самими безымянными высотами.

Долго рука не поднималась убрать кустики, растущие по склонам холмов. В лучах вечернего солнца их жёлтая листва горела, как пламя вечного огня на могилах неизвестных солдат. Но Яблонская не пожалела и кустиков.



Фрагмент картины

Ничего не должно помешать нам увидеть на картине самое главное.

Ничего не должно нарушить суровое молчание заросших окопов.

В конце работы пропала и светлая полоска неба над степью.

«Осталась одна земля», — говорит Татьяна Ниловна.

Про землю, по которой прошла война, написала картину Яблонская.

Даже не верится, что она писала обыкновенными красками — жёлтой, серой, коричневой, сиреневой. Она будто в самом деле смешивала свои краски с землёю военных полей, истерзанной снарядами и минами, вскопанной лопатами, истоптанной солдатскими сапогами.

Она так переносила краски на холст, будто бесчисленными прикосновениями кисти сама заново лепила на нём эти гребни холмов, увалы, ложбины, склоны.

Ей хотелось передать все изгибы земли, все возвышения и

впадины, длинные складки рвов, округлые края воронок, мягкость чуть колкой травы: пусть зрители не только глазами увидят на холсте эту землю, пусть почувствуют, как дорог каждый шаг по этой земле.

Безымянные высоты... Такие обыкновенные, вроде бы и одинаковые, что люди даже имени для них не придумали. Сколько их, безымянных высот, давно знакомых, ничем, на первый взгляд, не примечательных, поднимается на просторах нашей Родины!.. Но картина Яблонской зовёт остановиться, задуматься. Никогда прежде не видали мы такими эти безымянные высоты. Они величественны и тревожны, они строги, даже суровы, и в то же время лучатся ласковым теплом.

Сначала высоты на картине были освещены лишь с одной стороны. Так всегда в природе: заходит солнце — холмы, дома, деревья с одной стороны озарены его лучами, с другой — от них ложится на землю тёмная тень. Такими увидела эти безымянные высоты Яблонская в тот осенний вечер, когда впервые встретилась с ними. Но для художника всего важнее с наибольшей силой и ясностью высказать главную мысль картины. И Яблонская так расположила на холсте яркие пятна света и тёмные пятна тени, что высоты оказались освещены и справа и слева, и спереди и сзади — со всех сторон.

Какой удивительный цвет у этой пожелтевшей осенней травы! Тёплый, неяркий, кажется, он лишь понемногу разгорается.

Высоты словно светятся, сияют заполняющим их светом.

Они поднимаются как памятник погибшим героям. Сама земля на картине Яблонской зажглась вечным огнём...

Сбоку, в низине между холмами, притаилось село. Белеют хатка, сарай, коровник, устремились вверх острые золотые верхушки тополей. Село не тотчас и заметишь среди высот, но потом уже не забудешь. Несколько белых домиков в хороводе деревьев согревают картину лаской и радостью.

Наши воины не зря отдали жизнь за эту землю.

Зарастают старые окопы. Живут люди. Работают. Сеют хлеб. Пасут стадо. Водят трактор.

Жизнь побеждает!

Май

Май. 1965

«Прекрасный труд на прекрасной земле», — говорит Татьяна Ниловна Яблонская про крестьянскую работу. И люди, которые выполняют эту работу, кажутся ей необыкновенными, прекрасными людьми.

Этим людям важно, когда первый снег лёг на землю и когда выпал первый дождь. Им важно, куда ветер дует, как трава растёт и рано ли завязались на деревьях почки. Они поднимают голову и долго слушают песню жаворонка. Они меряют свой день по восходу и заходу солнца. Они щупают ладонью землю — бережно и чутко, как лоб ребёнка. Всякое дерево в саду для них добрый приятель: у всякого свой нрав и повадки.

Яблонская знает, что труд земледельца — нелёгкий труд. Но это труд — радостный. Она рассказывает красками на холсте про радость сельского труда. Поэтому в её картинах много света и воздуха, они наполнены солнцем и ветром.

Татьяна Ниловна любит сельские базары, их яркое, праздничное веселье. Она любит цветастые вывески, пёстрые коврики с белыми лебедями, плывущими по синей воде, расшитые полотенца — рушники, любит венки, гирлянды, букеты

из бумажных цветов, красные, синие, зелёные ленты, расписные игрушки, глиняную посуду, сверкающую яркими узорами, — кувшины, кружки, блюда, миски, жбаны, она любит всё, чем издавна украшает народ свой быт, дом, одежду. Мы часто видим, как на картины Яблонской переходит ясная простота и чистые звонкие краски народного искусства.

Согретые солнечными лучами чёрные вскопанные грядки, на них замысловатыми полосами и пятнами легли тени деревьев.

Зелёная трава сверкает драгоценным изумрудом.

Белые и жёлтые кружочки цветов, разбросанные в траве, сияют маленькими солнцами.

Молодая женщина работает в саду. Вот остановилась на минуту, выпрямилась, опираясь на тяпку.

Вокруг поднимаются всходы. Скоро в благодарность за труд земля принесёт людям обильные плоды.

В чёрной земле созреют красная морковь, жёлтая репа. Завьются на грядках зелёные кочаны капусты. Ветви деревьев согнутся под тяжестью яблок и груш, крупной лиловой сливы.

Женщина крепкая, ладная. И — лёгкая. Её платье, подхваченный ветром платок пронизаны светом. Яркий свет солнца обтекает её фигуру, круглит сильные руки и ноги.

Стройная, озарённая солнцем женщина посреди зелёного сада — как сказочная Весна-Красна.

Поглядите — она и сама похожа на деревце. Её загорелые руки — будто тёмные, красиво изогнутые ветви над побелённым стволом.

А может быть, это деревья похожи на девушек, выбежавших в сад в праздничных белых платьях?

Человек и природа вместе радуются весне, маю.

Хлеб

ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ

Картину «Хлеб» Татьяна Ниловна Яблонская написала давно. Почти сорок лет назад. Картина сразу очень полюбилась зрителям. Тысячи людей узнали и запомнили имя художницы.

Картина появилась на выставке вскоре после войны. Лишь четыре года минуло, как отгремели последние бои с фашистами.

Забыть беды, страдания, потери, принесённые войной, было невозможно. И всё-таки настроение у всех было приподнятое, праздничное. Люди радовались победе, радовались мирному труду. На картине Яблонской они увидели свою радость.

Они увидели Праздник Победы.

Потому что мирный солнечный день, богатый урожай, весёлые женщины, дружная работа, тяжёлые мешки с хлебом — это Праздник, Победа.

Радость, желание трудиться для своей Родины, для своего народа переполняли в ту пору и саму художницу. Вместе со всеми она возвращалась к светлой мирной жизни. О том, что она чувствовала, Татьяна Ниловна хотела рассказать людям.

ВОЕННЫЕ УРОЖАИ

Перед самой войной Яблонская окончила художественный институт в Киеве. Когда враг подступал к городу, она уехала в глубь страны. Путь был далёкий: от родного Днепра до Волги. Татьяна Ниловна оказалась в Саратовской области и поселилась в деревне.

Почти все мужчины из тамошнего колхоза ушли на фронт. Быть художником — очень хорошо, но в ту пору на селе всего дороже была пара сильных рабочих рук. И Татьяна Ниловна стала вместе с деревенскими женщинами работать в поле, на току, где молотят хлеб, в хлеву, на сенокосе.

Сперва ей — городскому человеку — всё трудно давалось. Зацепит вилами сено, поднимет, а оно тут же осыпется — на вилах ни стебелька. Или повезёт воду — поливать огород, волы тянут в разные стороны; хорошо, если бочку не перевернут. Но скоро Татьяна Ниловна привыкла ко всякой крестьянской работе и справлялась с нею ловко и уверенно. В паспорте у Яблонской было написано: «колхозница». Этой записью она до сих пор

гордится.

Но самое дорогое, что нашла художница в деревне, была добрая дружба с женщинами-крестьянками. Вместе работали, растили детей. Делили поровну беду и радость. Говорили откровенно обо всём, что лежало на сердце. Яблонская научилась видеть мир вокруг — землю, небо, воду, лица людей, кусок хлеба на столе — глазами этих женщин.

Хлеб. 1949

В КОЛХОЗЕ НЕ ГОСТЬЯ

Кончилась война. Татьяна Ниловна возвратилась в родные места. Но скоро её снова потянуло в деревню. На этот раз она отправилась поработать — уже как художница — в украинское село Летаву, в орденоносный колхоз имени Ленина.

Ехала туда весной. По обе стороны дороги, куда ни глянь, зеленели всходы; лишь местами чёрным бархатом лежали среди сочной зелени прямоугольники и квадраты отдыхающей, незасеянной земли. А зажилась до осени. Хлеб давно убрали. Поля желтели стернёй, темнели пластами вспаханного чернозёма. Кружась в воздухе, облетали с деревьев жёлтые листья. Из каждого сада тянулся к небу вкусный дымок: в садах на треножниках стояли большие, сверкающие в густых лучах осеннего солнца медные тазы — хозяева варили на зиму повидло, томат.

В Летаве Татьяну Ниловну встретили как свою, а ведь она была здесь впервые.

Это оттого, понимала художница, что, хотя она ходит по колхозным дворам, коровникам, конюшням не с граблями, не с

вилами или лопатой, а с альбомом и карандашами в руках, всё равно она здесь не чужой человек, не городской гость, который смотрит на всё со стороны. Всякая работа в колхозе ей близка и знакома, она любит и уважает эту работу, любит и уважает людей, которые этой работой заняты, и люди отвечают ей любовью и уважением.

Колхозницы тянулись к Яблонской, охотно и подолгу с ней беседовали, а когда она рисовала их портреты, чувствовали себя под её внимательным взглядом легко и свободно.

О ЧЕМ СКАЗАТЬ ЛЮДЯМ

В Летаве Яблонская рисовала очень много. Она привезла оттуда триста рисунков!

Уже и альбомы, взятые с собой из города, кончились — ни одного свободного листочка, и карандаши поизвела все до единого. Покупала в сельском магазине обои, обжигала в консервной банке лозу и полученными угольками рисовала на обратной, чистой от узора, стороне обоев.

Очень хорошо было художнице в колхозе. Куда ни глянет, что ни увидит — всё ей интересно, всё по душе, всё просится на бумагу.

Сегодня рисует уборку в поле, завтра прополку огорода. А там — смотри — колхозники складывают пшеницу в огромные скирды. Или грузят мешки с зерном на автомашины.

Конечно, можно было написать картину про уборку и прополку, про скирдование пшеницы и погрузку зерна.

Но художник не торопится к чистому холсту. Не старается побыстрее нанести красками на ткань то, что увидел. Он ищет своё. Он словно наполняется будущей картиной, с каждым днём, с каждым часом яснее видит её в воображении, лучше понимает и чувствует, о чём хочет сказать людям. Но вот он уже не в силах удерживать, носить картину в себе — и берётся за кисти.

Татьяна Ниловна вспоминает, что больше всего захватило её в Летаве счастье общего труда. Колхозники работали дружно, бодро, весело. По их лицам, по всякому их движению было видно, что они гордятся своим трудом, знают, как он нужен нашему народу. И от этого нелёгкая работа становилась праздничной.

САМОЕ ДОРОГОЕ

Татьяна Ниловна Яблонская «нашла» свою картину «Хлеб» на

колхозном току во время молотьбы.

Фрагмент картины

Высятся огромные вороха золотой пшеницы, стрекочут веялки, гудит молотилка, подъезжают и отъезжают грузовики с красными полотнищами на бортах, и всюду перед глазами, будто рассыпанное на земле солнце, золотое зерно — хлеб.

«Хлеб — всему голова!», «Хлеб — главное богатство!» — говорит народ.

Хлеб дороже золота. В каждом зёрнышке — труд людей, и каждое зёрнышко — на радость людям.

Нет на свете сокровища дороже этих туго набитых мешков.

На каждом написано:

«Колхоз имени Ленина. Село Летава».

В Летаве художница задумала картину про счастье тружеников, которые дарят своему народу хлеб.

Взглянем ещё раз на картину «Май». Яблонская не стремилась подробно и точно передать лицо женщины в саду. Она не об этой именно женщине хотела рассказать: она словно песню пропела труду, жизни, весне.

«Хлеб» написан много раньше «Мая», и написан совсем по-другому.

Фрагмент картины

Яблонская присматривалась по отдельности к каждой колхознице. Прежде чем взяться за картину, она писала красками и рисовала карандашом портреты сельских тружениц. Женщины на току все разные. У каждой своё лицо, свои движения, свой характер. О каждой, даже о тех, что стоят к нам спиной, можно рассказать что-то свое.

Это — разные люди, их объединяет общий, дружный труд.

«Трудились колхозницы день и ночь, — вспоминает Татьяна Ниловна.— Всегда чистые, аккуратные, в белоснежных, выглаженных платках — „хустках“, они молотили, веяли, лопатили зерно.

И всё это было весело, со звонкими шутками, сверкая

улыбками. Я просто была влюблена в них и эту любовь стремилась передать в картине».

Как нужна была эта любовь первым зрителям «Хлеба»!

Они только что прошли тяжёлыми, беспощадными дорогами войны, а теперь возводили заново разрушенные врагом города, строили заводы, перегораживали плотинами реки и ставили на них электростанции, украшали землю садами, сажали леса или, так же как колхозницы на картине Яблонской, растили и убирали хлеб.

ЛОПАТА, ВЕСЫ, ПОЛЕВАЯ СУМКА

Для художника в его картине нет мелочей. Всякий предмет, пусть даже на первый взгляд не очень приметный, нужен ему, чтобы сказать главное. Всякая малость передаёт чувства и мысли художника.

Фрагменты картины

В кучу зерна отвесно воткнута деревянная лопата. Яблонская написала её, будто это сверкающий солнечный луч. Рукоятка лопаты светится золотом, она сохранила тепло сжимавших её рабочих ладоней.

Лежит на земле жестяной совок. Совсем неказистый. Уже и помялся немного. Но этим совком насыпают зерно в мешки. И мы чувствуем, что художница любуется им. Для неё совок дорогая и нужная вещь.

А вот старые весы с тёмными чугунными гирями. Наверно, они немало повидали на своём веку. Может быть, в суровое военное время, пока на нашей земле хозяйничал враг, они прятались без дела в каком-нибудь заброшенном сарае. Теперь они снова на воле, под ярким солнечным небом. На них взвешивают колхозный хлеб.

Тут же, на весах, замечаем поношенную полевую сумку. Видно, бригадир снял её с плеча, приткнул наскоро, а сам побежал куда-то в другое место. Жаркая пора — нужно всюду поспеть. Мы смотрим на потёртую полевую сумку и угадываем жизнь человека, которого на картине нет. Ну, конечно же, наш бригадир — фронтовик, участвовал в боях, воевал храбро и умело, а кончилась война — вернулся в родной колхоз и теперь командует в битвах за хлеб.

Фрагмент картины

РАДОСТНЫЕ КРАСКИ

Яблонская одела своих колхозниц нарядно, празднично.

Светлые кофты ярко сияют на солнце. На женщинах юбки с цветным узором — по будням такие обыкновенно лежат в сундуках, носят их редко, а на работу в них и подавно не ходят.

Но Яблонская писала праздник!

Среди белых кофт и платков весело горят — будто поют звонким голосом — красные бусы на шее у девушки, склонившейся над мешком, красная кофта колхозницы, стоящей к нам спиной, кумач лозунга на борту грузовика.

Художница вспоминает, что, работая над картиной, сделала зерно, засыпавшее землю, светлее, чем на самом деле, — пусть сверкает на солнце! «Хотелось, чтобы хлеб, ради которого и работают эти люди, звучал в картине с большей силой и радостью».

Татьяна Ниловна Яблонская писала картину «Хлеб» около года. Писала горячо, бодро, весело, так же, как работают её героини, которых мы видим на холсте.

Фрагмент картины

Картина вроде бы получалась, но художница чувствовала, что можно ещё что-то изменить к лучшему. Наконец она поняла, что нужно сделать.

Сначала колхозница посреди холста держала лопату в руках. И голова её была повёрнута направо и в глубь картины. Женщина точно перебрасывалась словами с подругами.

Теперь она воткнула лопату в золотое зерно и, засучивая рукава, с улыбкой повернула голову к зрителям.

— Смотри, как мы хорошо, радостно, дружно работаем,— говорит она.— А ну, давай и ты с нами!

Лето

ЛЕТО. 1967

Белые хаты-мазанки под высокими кровлями. Круглые кроны деревьев в садах. И такие же круглые вётлы над водами неширокой речки. Полосатые огороды. За селом на пастбище стадо коров.

Сколько таких сёл на Украине! Не сосчитать!

Конечно, художница могла написать какое-нибудь одно, определённое село, которое хорошо знала. Например, Щучинку, где увидела свои «Безымянные высоты». Или Летаву, откуда привезла «Хлеб».

Но Яблонская написала не Щучинку, не Летаву, не уголок какого-нибудь одного села, подсмотренный на месте: она написала и Щучинку, и Летаву — все родные украинские сёла, которые видела, хранила в памяти. Она написала — вообще село.

И эти девочки были в белых платьях и платочках, бегущие по бережку. За свою жизнь Яблонская сделала много хороших портретов. Но приглядимся: она, наверно, не очень хотела, чтобы на холсте были какие-то знакомые ей девочки. Она, наверно, не

старалась передать неповторимые черты каждой девочки, чтобы зрители тут же поняли: другого такого лица на свете не сыщешь. Это — вообще девочки.

Это вообще село, вообще девочки, вообще лето.

Это наше общее лето.

Это, может быть, даже воспоминание о лете, где всё сливается: прошлогоднее лето, и позапрошлогоднее, и то, которое было три года назад, и то, про которое читал в книжке или кто-нибудь рассказывал.

Может быть, это даже не воспоминание, а настроение — хорошее настроение от всех хороших летних дней, которые были у нас в жизни, да по отдельности не запомнились.

Смотришь на картину и думаешь: а ведь и у меня был такой жаркий летний день, белые мазанки, зелёная трава на пригорках, круглые деревья, полосатые огороды. С тихим плеском течёт река, в ней отражаются прибрежные вётлы, и в этих местах вода кажется глубже и прохладней.

Две девочки в белых платьях пробегают мимо...

Жизнь

Жизнь. 1966

Надо хорошо подумать, почему Яблонская так назвала картину — «Жизнь».

В хате на лавке сидит бабушка, тёмная, сухонькая от старости, держит внучка на руках.

Картина, конечно, о том, что старуха долгую жизнь прожила, и прожила не зря, о том, что у внука вся жизнь впереди, и тоже не пустая — нужная людям жизнь.

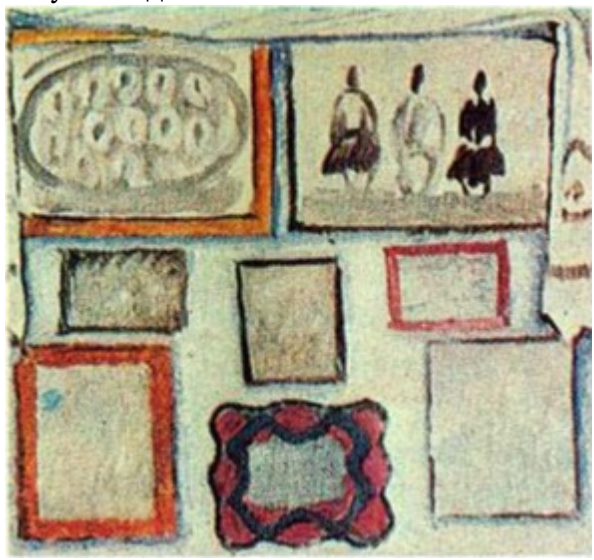
Сошлись то, что было, и то, что впереди, прошлое и будущее. Жизнь не останавливается. Всякий человек продолжает дело, которое начали до него другие люди.

Всё самое хорошее на свете старшие передают младшим. Деды и бабушки, матери и отцы передают детям, внукам.

— Вот поле, мы на нём наш век работали — теперь вам его пахать, бросайте в него зёрна, дарите людям вкусный хлеб.

— Вот сад, мы его растили — теперь он ваш. Посадите дерево, как мы сажали, и не о том забота: сами снимете с него плоды или дети ваши и внуки. Даже лучше, если дети и внуки,—

пусть помянут добром тех, кто жил прежде, и тоже посадят дерево — для своих внуков и детей.



Фрагмент картины

— Вот печь — не мы её затопили, ещё наши старики, и вы поддерживайте в ней огонь.

Бабушка сидит с внуком на руках: она знает, что весь мир, в котором она жила, теперь принадлежит ему.

У Татьяны Ниловны Яблонской много подруг — старых крестьянок. В хате на высоком берегу Днепра жила высокая, стройная тётя Евфимия, или тётка Химка,— так попросту называла её Татьяна Ниловна. Художница любила навещать тётку Химку, слушать её мудрые речи.

За долгую жизнь изведала старая крестьянка немало всякого горя. Самое страшное была война. На войне погибли многие её

близкие. Но беды и несчастья не сломили женщину. Она знала: какое ни навалится горе, надо работать для людей, делать им добро. Надо строить и украшать жизнь, которую собираешься передать внукам. Тогда совесть спокойна, легче, теплее на сердце. До самого последнего дня без устали трудились её сильные руки.

О старых крестьянках, великих труженицах, мудрых, сильных и добрых, о наших матерях и бабушках картина Яблонской «Жизнь».

Фрагмент картины

Старуха с внуком сидит у стены, сплошь увешанной фотографиями. Такую стену с фотографиями в простых и цветных рамках, под нарядными вышитыми полотенцами — рушниками, художница не раз видела в украинских хатах. Но однажды старая хозяйка, показывая ей на фотографии, сказала:

— Тут весь наш род.

И художница увидела знакомую стену совсем иначе.

Ведь эти простые фотоснимки — рассказ о жизни большой крестьянской семьи. О людях, которые жили и живут в этой хате. Об их прошлом. Об их настоящем.

Над окном портрет: рядом со статным усатым мужчиной — молодая красивая женщина в свадебном наряде, в венке из бумажных цветов.

Такой была, наверно, старуха, когда впервые вступила на порог этой хаты. Венок из красных цветов, с красными и голубыми лентами, не один десяток лет висит на стене как память молодых дней.

Но здесь помнят не только весёлые гулянья. Рядом с венком грамота: ею награждают за отличную работу. Смотрит с фотографии юноша в солдатской гимнастёрке с орденами на груди. На раме чёрный бант. Солдат не вернулся с войны. Возле солдатской карточки молодая женщина: дочь солдата или младшая его сестра.

Жизнь не останавливается.

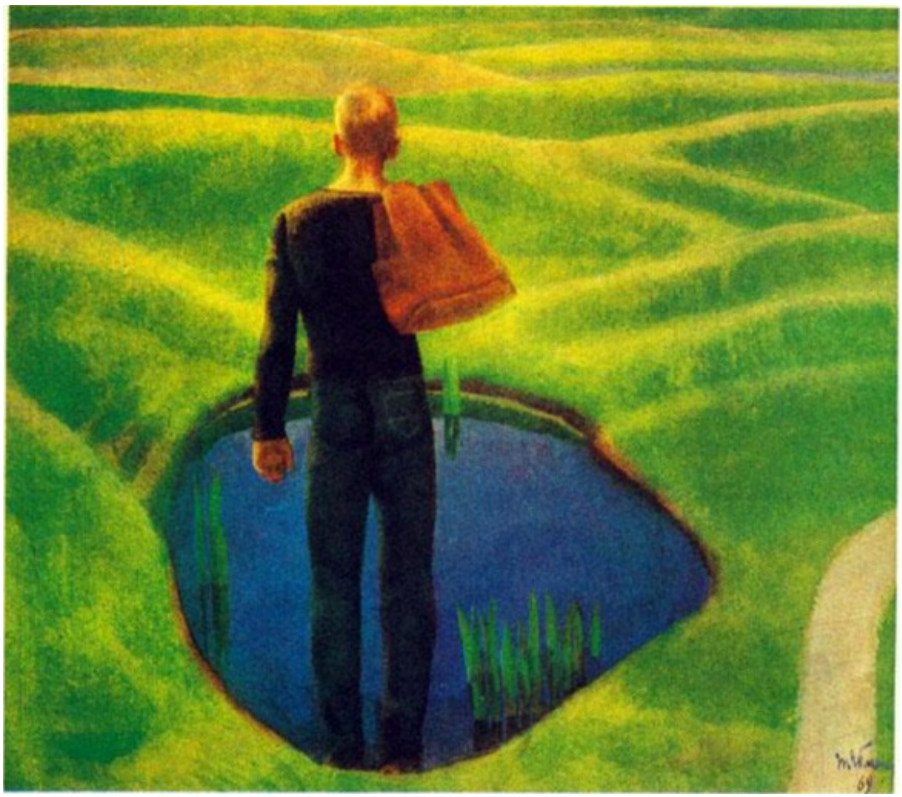
Внучек, который сидит пока на руках у бабушки, сделает на земле то, что не успели сделать старая крестьянка, убитый на войне солдат.

Фотографии на стене зовут нас подумать не только о жизни одной крестьянской семьи, а о жизни всего народа. В какой дом, в какую хату ни войди, люди, которые в ней живут, праздновали и печалились, работали и защищали нашу землю от врага. Они учат своих детей и внуков веселиться от души и не сдаваться несчастьям, хорошо трудиться и любить Родину.

Если делать всё по правилам, надо осветить льющимся из окна светом не ту стену в комнате, где висят фотографии, а противоположную, которой на картине нет. Но художница не ошиблась: она нарочно направила главный свет на стену с фотографиями, потому что эта стена — самая важная для старой крестьянки.

— Темно ли, светло,— объясняет Яблонская,— бабушка на память знает каждый снимок. Каждое лицо ей дорого. Каждое любимо. Пусть перед всеми откроется жизнь, про которую рассказывают фотографии на стене.

Юность



Юность. 1969.

И вот мы снова в просторной степи, среди высот и холмов.

На земле весна. От края до края холста зеленеет молодая трава. Юноша остановился у маленького озерка. Вода в озерке чистая, свежая, совсем синяя. Наверно, потому, что в него, как в зеркало, глядится ясное, синее небо.

Может быть, и это озерко — бывшая воронка от бомбы. Почему так похожи на штыки зелёные лезвия осоки?

Но сегодня на земле мир.

Юноша шёл мимо, остановился, задумался о чём-то у синей воды. Смотрит в озерко, точно оттуда, из глубины, услышит какие-то важные слова. Наверно, как все люди в юности, он думает, какую дорогу выбрать ему в жизни. На мирной земле, подаренной ему отцами и дедами, много добрых дорог.

Юность оттого и прекрасна, что у неё всё впереди.

Может быть, эта картина ещё и о художнике. Не потому, что этот юноша — художник. А потому, что настоящий художник

всегда молод — самая главная его картина всегда впереди.

Он думает, мечтает, ищет.

Он поднимается на высоты.

А где-то стоит чистый холст и ждёт прикосновения его кисти.

Остановимся и подумаем

ЧЕЛОВЕК

Изображение человека называется ПОРТРЕТОМ.

Художник пишет портрет красками, рисует карандашом или пером.

Конечно, больше всего может рассказать о человеке его лицо. Но не только. Разве фигура, движения не помогают нам понять человека?

Героя картины «Юность» художница написала со спины. Лица его мы не видим. Но чем дольше смотрим на юношу, тем лучше понимаем, какие мысли его тревожат, какие мечты рождаются в его воображении.

Яблонская не старалась в точности написать черты лица женщины на картине «Май». Но её фигура, движения говорят о том, что работается ей весело, хорошо, в охотку.

Картина «Юность» — задумчивая. А картина «Май» — весёлая, задорная.

Татьяна Ниловна не показала лицо своих героев, но сумела многое о них рассказать.

ПОРТРЕТ И КАРТИНА

Рассматривая картину, мы узнаём не об одном человеке, а о каком-нибудь событии. Но художник, конечно, изображает и людей, которые в этом событии участвуют.

Когда Татьяна Ниловна задумала картину «Хлеб», она писала портреты своих подруг, колхозниц села Летавы. Она и прежде встречалась с ними, любила их. Ей казалось, что она хорошо знает каждую из них, о каждой может многое рассказать. Но, работая над портретом, она будто узнавала своих подруг заново. Ведь каждая чёрточка на портрете, каждый мазок кисти должны открыть что-то очень важное в человеке.

Колхозницы села Летавы стали героинями картины «Хлеб». Конечно, на этом большом холсте каждая из женщин уже не так похожа на себя, как на портрете. Это потому, что портрет рассказывает нам об одном человеке, а на картине каждый человек передаёт её главную мысль.

И всё-таки летавские колхозницы и на большом полотне, рассказавшем о радости их труда, узнавали себя и своих подруг.

ПРИРОДА

Изображение природы называется ПЕЙЗАЖЕМ.

Это — портрет природы.

Художник пишет лес, реку, горы — и всё это пейзаж.

Иногда на холсте, кроме леса, реки, гор, поля, и нет ничего. Но природа на пейзажах живёт не сама по себе. Земля и небо, вода и воздух, каждое деревце, каждая травинка связаны с жизнью людей, их радостями и печалями. Художник пишет природу, непременно думая о человеке.

Вспомним ещё раз «Безымянные высоты». Ни одного человека на холсте нет. Но мы уже знаем, что эта картина — серьёзный, взволнованный рассказ о людях, о нашей жизни, о нашем прошлом и настоящем.

ПЕЙЗАЖ И КАРТИНА

На картине «Лето» мы видим речку, деревья, поле вдали.

На картине «Юность» — зеленеющую равнину, ярко-синее озерко.

На картине «Май» чернеет вскопанная земля, вот-вот зацветут сады.

На картине «Тишина» поднимаются одна за другой окутанные лёгкой туманной дымкой холмы.

Но это, конечно, не просто виды природы. Пейзаж помогает яснее раскрыть содержание картины, передать ее настроение.

Попробуем представить себе девочек из «Лета», бегущих не по берегу речки возле раскинувшегося на холме села, а, допустим, по городской улице. Или, ещё лучше, по саду, написанному в «Мае». Или возле озерка, которое мы видим в «Юности». Девочки остались бы те же, а картина была бы совсем другая. Даже если и называлась бы по-прежнему — «Лето».

И совсем другой была бы картина «Юность», если бы юноша стоял, задумавшись, не в зелёной степи, у этого самого озерка, а в высоком тёмном лесу.

И картина «Тишина» была бы совсем другой, если бы художник со своим холстом смотрел не на дальние холмы, а в бескрайнюю морскую даль.

ЦВЕТ

Художник пишет картину красками. Красок очень много, и каждый цвет имеет ещё много оттенков, бывает темнее или светлее, ярче или глуше.

Когда художник выбирает единственно нужную краску, он заботится не только о том, чтобы точно передать цвет того или другого предмета, но и о том, чтобы точно передать свои мысли и чувства.

На картине «Юность» — весна. Ярко-зелёный ковёр сверкающей молодой травы. И такая же яркая чистая синева студёной воды в озерке — глядя на неё, мы тотчас думаем о таком же синем, точно промытом небе. Краски на картине «Юность» — чистые, свежие, молодые.

А на картине «Безымянные высоты» главный цвет золотисто-жёлтый, осенний. Лежат в ложбинах глубокие, синелиловые тени. Мы только подходим к картине, и краски тотчас передают нам думы и чувства художника.

На холстах Татьяны Ниловны Яблонской, о которых рассказывает эта книга,— весна, лето, осень. Давайте внимательно присмотримся: какие краски выбирает она, когда рассказывает о разных временах года.

Мы уже знаем, о чём эти картины. Давайте теперь внимательно присмотримся, какие краски выбирает Яблонская, чтобы показать цвет каждого изображённого на картинах предмета и своё отношение к тому, что пишет.

СВЕТ

А какое разное солнце на этих картинах!

В «Безымянных высотах» — вечернее, густое, тихое.

В «Хлебе» — полуденное, звонкое, знойное.

В «Мае» солнце — лёгкое, весёлое, в воздухе разлита прозрачная весенняя свежесть.

Для художника очень важно, как освещена вся картина и каждый её кусочек, как располагаются, сочетаются на холсте пятна света и тени.

Мы помним, как Яблонская заставила засветиться вечным огнём безымянные высоты, как осветила стену с фотографиями, перед которой сидит бабушка с внуком.

ЦВЕТ И СВЕТ

Цвет каждого предмета на картине зависит от того, как он освещён, как падает на него свет.

Золотисто-жёлтый цвет зерна под яркими лучами полуденного летнего солнца совсем не похож на золотисто-жёлтый цвет озарённых закатом безымянных высот.

Цвет и свет — два друга: они работают сообща, как правая и левая рука.

Картина «Хлеб» золотая, солнечная, громкая, веселая. Даже белые платки колхозниц насквозь пронизаны светом солнца. Пятна красного цвета на холсте — будто звонкие девичьи голоса. Цвет и свет помогают нам почувствовать горячую и радостную пору колхозной страды.

Картина «Жизнь» — белая, молчаливая. Думы у бабушки мудрые, память ясная. Вся жизнь течёт перед ней тихой, широкой рекой. Картина залита ровным, спокойным светом. Белые стены, на них белые рушники. Белая занавеска. Белый платок на голове бабушки. Белая рубашка внучка. Художница умело подобрала тончайшие оттенки одного и того же цвета. Лишь венок на стене, поблёкшие от времени краски, синие бумажные цветы и шёлковые ленты напоминают о поре юности.

ВСЕ ВАЖНО

На картине нет ничего лишнего, ненужного — всё важно.

Мы помним, как много рассказали нам старые весы или полевая сумка бригадира в «Хлебе», фотографии в «Жизни».

Вот на картине «Тишина» над полями, над холстами бесшумно летит птица. Кажется, можно бы обойтись и без нее. Но оттого, что она есть, небо становится выше, просторы шире, тишина пронзительнее.

Или вернёмся к картине «Юность». У юноши на плече — сумка. И от этого его мысли, мечты кажутся нам серьёзнее, мы чувствуем, понимаем, что он собрался в путь, что у него целая жизнь впереди.

Художник заботится о всякой, даже малой, подробности. Ведь из таких подробностей и складывается картина.

КАК МНОГО ДОЛЖЕН ЗНАТЬ И УМЕТЬ ХУДОЖНИК! ДАВАЙТЕ ПОМНИТЬ ОБ ЭТОМ, КОГДА БУДЕМ ЕЩЕ РАЗ ЧИТАТЬ ЭТУ КНИЖКУ!..